

Москалёва С. И.

ОБЫГРЫВАНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ПАРОНИМОВ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ЯЗЫКОВЫХ БЫТОВЫХ АНЕКДОТОВ)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/42.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 112-114. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список использованной литературы

1. **Карасик, В. И.** Зеркальный концепт «простота» [Текст] / В. И. Карасик // Новое в когнитивной лингвистике. - Кемерово: КемГУ, 2006. - С. 26-41.
2. **Колесов, В. В.** Концепт культуры: образ - понятие - символ [Текст] / В. В. Колесов // Вестник СПбУ. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. - 1992. - Вып. 3. - № 16. - С. 30-40.
3. **Красавский, Н. А.** Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Н. А. Красавский. - Волгоград, 2001. - 40 с.
4. **Леви-Строс, К.** Мифологики: В 4-х тт. [Текст] / К. Леви-Строс. - М.-СПб.: Университетская книга, 1999. - Т. 1: Сырое и приготовленное. - 406 с.
5. **Леонтьева, Т. В.** Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор [Текст] / Т. В. Леонтьева // Вопросы языкознания. - 2006. - № 5. - С. 57-77.
6. **Минский, М.** Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. - М.: Энергия, 1979. - 151 с.
7. **Падучева, Е. В.** Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е. В. Падучева. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 608 с.
8. **Пименова, М. В.** Этногерменевтика наивной картины внутреннего мира человека [Текст] / М. В. Пименова. - Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag empirische Pädagogik, 1999. - 262 с.
9. **Приходько, А. Н.** Языковое картирование мира в паттерне «концептополе - концептосистема» [Текст] / А. Н. Приходько // Новое в когнитивной лингвистике. - Кемерово: КемГУ, 2006. - С. 114-125.
10. **Скорнякова, Р. М.** Методика исследования концепта [Текст] / Р. М. Скорнякова // Новое в когнитивной лингвистике. - Кемерово: КемГУ, 2006. - С. 142-147.
11. **Стернин, И. А.** Методика исследования структуры концепта [Текст] / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. - Воронеж: ВГУ, 2001. - С. 58-65.
12. **Черникова, Н. В.** Метафора и метонимия в аспекте современной неологии [Текст] / Н. В. Черникова // Филологические науки. - 2001. - № 1. - С. 82-90.
13. **Чудинов, А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) [Текст] / А. П. Чудинов. - Екатеринбург: Б.и., 2001. - 238 с.
14. **Шведова, Н. Ю.** Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. - 1999. - № 1. - С. 3-16.
15. **Lakoff, G.** Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. - Chicago-London: The University of Chicago Press, 1980. - XIII. - 242 p.
16. **Morel Morel, D. A.** Concepts' Attractors: Some Observations and Issues [Text] / D. A. Morel Morel // Материалы за III международна научна практична конференция "Наука и образование без граница - 2007", 16-27 декември 2007. - София: "Бял ГРАД-БГ" ООД, 2007. - Т. 9: Филологични науки. - С. 12-17.
17. **Schwarz, M.** Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität: repräsentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz / Monika Schwarz. - Tübingen: M. Niemeyer, 1992. - VI. - 163 S.

ОБЫГРЫВАНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ПАРОНИМОВ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ЯЗЫКОВЫХ БЫТОВЫХ АНЕКДОТОВ)

Москалёва С. И.

Ивановский государственный университет

Будучи имитацией жизненного поведения, игра постепенно перетекает из поведенческой сферы человека в язык. По замечанию Б. Ю. Нормана [Норман 1987], любой человек при использовании языка прибегает к каким-то элементам игры. Речетворчество, опирающееся на переосмысления, стилистическое смешение и деформацию языковых единиц, закрепляется в языке как особый стилистический приём.

Понятие *языковой игры* было введено в теорию языка Л. Витгенштейном - одним из оригинальных и глубоких мыслителей 20 столетия. Называя языковыми играми весь процесс употребления слов в языке, автор отождествляет тем самым языковую игру с речевой деятельностью. Согласно концепции Л. Витгенштейна, «языковая игра» включает в себя всё многообразие словоупотреблений. В частности, автор подчёркивает, что «виды употребления всего того, что мы называем «знаками», «словами», «предложениями», бесконечно разнообразны» [Витгенштейн 1994: 90].

Столь широкое определение языковой игры, данное Л. Витгенштейном, порождает определённые трудности в исследовании этого феномена. В связи с этим в лингвистике появляются всё новые трактовки данного явления.

Несмотря на отсутствие единого определения *языковой игры*, многие исследователи [Гридина 1996; Санников 1999; Карякина 2002; Сковородников 2004; Мурашёв 2007] придерживаются той точки зрения, что *языковая игра* основана на сознательном нарушении языковой нормы. *Языковая игра* - это некоторая языковая неправильность или необычность [Санников 1999]. М. В. Карякина [Карякина 2002] относит к фактам языковой игры такие факты речи, которые являются «аномалиями» с точки зрения языковой нормы. По мнению В. З. Санникова, феномен языковой игры основан на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц [Санников 1999]. В языковой игре наблюдается «нестандартное использование возможностей языковой системы, уход от привычных стратегий» [Мурашёв 2007: 12]. Т. Г. Сопова понимает под языковой игрой «основанный на индивидуальном творче-

стве вид речевой или языковой деятельности, создающий экспрессию и выразительность языка и речи» [Сопова 2007: 9].

Таким образом, языковая игра представляет собой творчество в языке, открывая тем самым новые возможности использования языковых средств.

Любое anomальное речевое явление получает статус языковой игры, если у говорящего есть установка на преднамеренное языковое творчество. В этой связи Т. А. Гридина справедливо отмечает, что «языковая игра - это форма деканонизированного речевого поведения говорящих, реализующая прагматические задачи коммуникативного акта с категориальной установкой на творческое использование языковых ресурсов» [Гридина 1996: 7].

Способы и приёмы создания языковой игры весьма разнообразны.

Одним из видов языковой игры является такая фигура речи, как *парономазия* (греч. *paronomasia* от *para-*возле и *onomazo-*называю), суть которой заключается в преднамеренном сближении, сопоставлении паронимов [Яркова 1984; Розенталь, Теленкова 1985; Санников 1999; Веракса 2000; Сопова 2007]. Парономазия характеризуется фонетической близостью разнокорневых слов, имеющих абсолютно разные значения [Вишнякова 1987]. Таким образом, при столкновении паронимов в одном контексте обыгрываются их звуковое сходство и семантические различия, иногда даже смысловая несопоставимость.

Рассмотрим на примере немецких языковых бытовых анекдотов (коротких юмористических рассказов, обозначаемых термином *Wortwitz*) [Röhrich 1980; Horn 1988; Neuburger 1990; Macha 1992] сопоставление значений паронимов, намеренно допускаемое говорящим с целью произвести эффект языковой игры.

(1) *Drei Frauen unterhalten sich: "Mein Mann ist Arbeiter. Er taucht Kekse in Schokolade und verdient monatlich 800 Mark." "Mein Mann ist Automechaniker. Er taucht Kotflügel in Farbe und verdient monatlich 900 Mark." "Mein Mann ist SED-Funktionär. Er taugt gar nichts und verdient monatlich 2000 Mark."*

Данный языковой бытовой анекдот, имеющий форму короткого рассказа, строится на обыгрывании обладающих паронимическим сходством лексем *tauchen*- *in eine Flüssigkeit senken, hineinhalten* (погружать, окунать, макать, обмакивать) и *taugen*- *für einen bestimmten Zweck geeignet, brauchbar sein; einen bestimmten Wert, Nutzen haben* (годиться, быть пригодным на ч-л., для ч-л.). Выражая различные по содержанию понятия, паронимы *tauchen* и *taugen* предполагают разные контексты своего употребления. Однако сходство звучания создаёт потенциальные возможности для их каламбурного сближения и сопоставления в рамках одного контекста выражаемых ими понятий. За счёт того, что лексемы *tauchen* и *taugen* эксплицитно представлены в тексте анекдота, усиливается эффект обыгрывания одной паронимической опорной лексемы на фоне другой.

Аналогичным образом обыгрывание значений паронимов приводит к созданию комического эффекта в следующем примере.

(2) *"Findest du nicht auch, der neue Mathematik-Lehrer sieht aus wie'n Fass", wispert Conny ihrer Freundin in der Stunde zu. Aber der hat gute Ohren und kontert: "Zwischen mir und einem Fass ist ein großer Unterschied, junge Dame, denn ein Fass ist von Reifen umgeben, ich dagegen nur von Unreifen."*

Данный языковой бытовой анекдот, имеющий форму короткого диалога, построен на обыгрывании опорных лексем *Reifen* и *Unreifen*, которые, обладая сходством звучания, совершенно не связаны друг с другом семантически: *der Reifen (die Reifen) - kreisförmig zusammengefügtes Band, meist aus Metall (обод, обруч); die Unreifen*- субстантивированная форма от прилагательного *unreif - einen Mangel an Reife aufweisend, erkennen lassend (незрелый (о человеке))*. Сходные по звучанию, но имеющие разные значения опорные лексемы создают содержательно значимую паронимическую оппозицию. Одновременное присутствие в одном контексте паронимов *Reifen* и *Unreifen* имеет характер противопоставления выражаемых ими понятий. При этом используются особенности словообразования в немецком языке: приставка *un* придаёт слову значение, антонимичное производящей основе. В этой связи очевидно, что опорные лексемы *Reifen* и *Unreifen*, имеющие различные основы, не образуют антонимической пары, но, тем не менее, подвергаясь в данном контексте творческой интерпретации, противопоставляются друг другу как лексемы с антонимическими значениями. Таким образом, комический эффект в данном примере основан на намеренном смысловом объединении в одном контексте сходно звучащих, но разнокоренных слов (явление парономазии).

В следующем примере в целях языковой игры обыгрыванию также подвергаются значения паронимов, но при этом один из членов паронимической оппозиции является окказиональным паронимом.

(3) *Ein Chinese kommt mit zwei Blondinen aus der Bäckerei. Warum? Er wollte zwei Blödchen.*

Данный языковой бытовой анекдот имеет форму шуточного вопроса (*Почему китаец идёт из булочной с двумя блондинками?*), на который соответственно даётся шуточный ответ. В ответе присутствует опорная лексема *Blödchen*, не существующая в системе немецкого языка. Следует предположить, что лексема *Blödchen* была искусственно образована на основе морфологического сходства с лексемой *das Brötchen- die Brötchen* (булочка - булочки). Тот факт, что содержательно значимая лексема *Brötchen* имплицитно представлена в содержании высказывания, подтверждает содержащееся в тексте анекдота имя существительное *die Bäckerei* (булочная), устанавливающее общие связи ассоциирования понятий. Употребление в одном синтагматическом ряду лексем *die Bäckerei* (булочная) и *die Brötchen* (булочки) свидетельствовало бы о нормативном, стереотипном использовании языковых средств, не имеющем ничего общего с установкой говорящего на языковую игру. Однако в данном контексте содержится также содержательно значимая лексема *die Blondinen* (блондинки), задающая другой семантический ориентир анекдота. Реципиент, изначально уве-

ренный в том, что речь пойдёт о китайце, зашедшем в булочную с целью купить хлеб, оказывается вынужденным избрать другой способ декодирования описываемой ситуации, поскольку речь идёт, очевидно, о блондинках. Лексема *Brötchen* намеренно трансформируется в окказиональную паронимическую лексему *Blödchen*, семантически связанную с однокоренным именем прилагательным *blöde*, имеющим узуальное значение *dumm, törricht (глупый, безрассудный)*. Поскольку существует предубеждение относительно низкого уровня интеллектуального развития блондинок, то именно такое качество, как глупость, и легло в основу образования окказионального паронима *Blödchen*. Таким образом, в знакомую морфологическую форму помещается новое значение. Подобный эксперимент, проводимый говорящим с формой и значением окказиональной лексемы *Blödchen*, позволяет произвести эффект языковой игры, имеющей паронимическую основу. Благодаря сведению в рамках одного контекста сходных по звучанию, но разных по значению лексем *Brötchen* и *Blödchen* создаётся паронимическая оппозиция. Эксплицитно выраженная окказиональная лексема *Blödchen* осознанно употребляется говорящим с намёком на имплицитно представленную в тексте анекдота лексему *Brötchen*, что имеет своей целью создание комического эффекта.

Итак, в рассмотренных примерах комизм описываемой ситуации достигается за счёт использования феномена языковой игры, имеющей паронимическую основу. Говорящий, демонстрируя творческий подход к использованию ресурсов языка, намеренно сталкивает в рамках одного контекста значения паронимов. Оба члена паронимической оппозиции, как правило, эксплицитно представлены в тексте анекдота, что усиливает эффект обыгрывания одной лексемы на фоне другой. В ряде случаев один из паронимов является окказиональным, образованным на основе сходства с некой лексической единицей, существующей в системе языка. Поскольку паронимы характеризуются семантической неэквивалентностью, их одновременное присутствие в одном контексте служит основой создания абсурдной и вместе с тем комичной ситуации.

Список использованной литературы

1. Веракса Т. В. Функционально-семантическая дифференциация паронимов русского языка. – СПб., 2000.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. – М., 1994. – Ч. I.
3. Вишнякова О. В. Паронимы современного русского языка. – М., 1987.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург: Урал, 1996.
5. Карякина М. В. «Письма к матери» Л. Н. Андреева: феномен языковой игры // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24.
6. Мурашёв Т. И. Языковая игра в текстах песенного жанра (на материале английского языка): Автореферат дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2007.
7. Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. – Минск, 1987.
8. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985.
9. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.
10. Сковородников А. П. О понятии и термине «Языковая игра» // Филологические науки. – 2004. – № 2.
11. Сопова Т. Г. Языковая игра в контексте демократизации художественной речи в последние десятилетия XX века: Автореферат дис. канд. филол. наук. – СПб., 2007.
12. Яркова Л. Г. Стилистическое использование паронимов // Речевые аспекты изучения современного немецкого языка. – М., 1984.
13. Horn A. Das Komische im Spiegel der Literatur. – Würzburg, 1988.
14. Macha J. Sprache und Witz. Die komische Kraft der Wörter. – Bonn, 1992.
15. Neuberger O. Was ist denn da so komisch? – Weinheim-Basel, 1990.
16. Röhrich L. Der Witz: Seine Formen und Funktionen. – München, 1980.

ДВА ПОДХОДА К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МОЛЧАНИЯ

Мухаметова М. Б., Мухаметов Д. Б.
Южный федеральный университет

В современной действительности, для которой характерно активное развитие различных сфер общественной жизни, проблемы коммуникации и общения становятся особенно актуальными и значимыми. Однако описание речевой деятельности человека будет неполным без характеристики феномена молчания.

Иногда люди предпочитают молчать, причем молчание нередко оценивается выше, чем разговор. Такая оценка содержится, например, в произведениях фольклора, отражающих народную мудрость: Слово - серебро, молчание - золото; Кто молчит, тот двух научит.

Смыслы молчания рассматриваются не только в лингвистике и психологии, но и в религиозных и философских учениях, принадлежащих как Востоку, так и Западу. Однако среди ученых нет единства в вопросе о первичности или вторичности молчания по отношению к речи. Религиозные и эзотерические учения (в большинстве своем) считают молчание первоначальным состоянием бытия. «Неизреченное» выступает здесь как характеристика мира в его потенциальности и непроявленности, как безмолвие творческого Духа, который лишь во второе мгновение порождает Слово - сына Божьего. «Бог в его самостийности и изначальности, потенциальности и самодостаточности сам есть молчание, то богатое следствиями молчание, из которого рождаются все вещи и все разговоры» [Золотухина-Аболина 2000: 23].